

О «РЕЛИКВАРИИ ВРЕМЕНИ ГЕТУМА»

В 1964 г. Сирарпи Тер-Нерсисян опубликовала большую статью, в которой были исследованы известные ей памятники киликийского серебрения—триптих 1293 г., три переплета: 1254 г., 1255 г., 1334 г. и фрагмент переплета середины 50-х годов XIII в.¹ В аннотации на эту работу А. А. Фролов добавил к указанным памятникам «реликварий времени Гетума»². Речь шла о мощехранильнице, выполненной в 1296 г. по заказу царя Киликийской Армении Гетума II. Этот памятник был издан Е. А. Лалаяном в одном из выпусков редактируемого им этнографического журнала³.

Учитывая, что произведений серебряников Киликийской Армении сохранилось считанное количество и каждое из них, помимо высоких художественно-технических достоинств, обладает ценными историко-документальными качествами, хотелось бы еще раз обратить внимание специалистов на этот по существу забытый памятник и внести некоторые уточнения в работу Е. Лалаяна. Нынешнее местонахождение

«реликвария времени Гетума» неизвестно, и это также повышает значение публикации Е. Лалаяна. Суть ее сводится к следующему.

У некоего Тер-Аракела Кургиняна (*Տեր Առաքել Կուրղինյան*) в сел. Гумурдо (*Գումուրդո*) хранился реликварий (см. рис.). Он представлял собою две вкладывавшиеся одна в другую металлические коробочки. Большая коробочка из серебра с утолщенными по середине сторонами (длина—8, ширина—7, толщина—2 см)⁴ с лицевой стороны была украшена распятием в центре и четырьмя золочеными ликами по углам. По словам Е. Лалаяна, это были изображения святых: Акопа (Иакова) Мцбенского, Никогоса (Николая) Чудотворца, Стефаноса (Стефана) Первомученика, Пантелеймона Врачевателя⁵.

На другой стороне—гравированная стихотворная надпись в тринадцать строк. В ней сообщалось имя заказчика и время изготовления памятника. Воспроизводим надпись по изданию Е. Лалаяна и даем ее русский перевод⁶.

ԵՍ ՀԱՌՅ ԹԳԱՐՍ ՀԵԹՈՒ
Մ .Բ. Ի ԶԻՄ ԱՇԽԱՏՈՒԹՔ
ԺՂՂՅԻ ՆՇԽԱՐԲՍ ՍՐԲՈՅ Մ
ԷԾԻՆ ԱԿՈՐԱ ՄԾՊՆԱ
ՀԱՅՐԱՊԵՏԻՆ ԵՒ ՆԻԿ
ՈՂԱՌՍԻ ՄԲԱՆԶԵԼԱԳՈՐ
ՍԻՆ ԵՒ ՍՏԵՓԱՆՈՍԻՆ ՆԱԽ
ԱՎԿԱՆ ԵՒ ՊԱՆԴԵԼԵՄՈՆԻ
ԲԺՇԿԻՆ ԶՈՐ ԱՍՏ ԿԱ ՊԶՊԱ
ՆՈՒԹԻՆ ՀՈԳՈՅՍ ԵՒ Մ
ԱՐՄԵՆՈՅ ԻՄՈՅ ԹՎԻՆ Է
ՃԽԵ ԻՆ ՄԱԻՍԻ Ի ԻՆ ՄԲ ՆՇ
ԱՆՍ ՇԻՆՎԷՑԱԻ.

«Я, армянский царь Гетум,
моими трудами
собрал мощи святых:
великого Акопа, патриарха Мцбенского,
и Никогоса Чудотворца,
и Стефаноса Первомученика,
и Пантелеймона Врачевателя,—
которые здесь имеются
[ради] хранения души и
тела моего.
В лета
745 [1296]. 20 мая,
сооружено святое знамение».

¹ S. Der Nersessian, Le reliquaire de Skevra et l'orfèvrerie ciliciennes aux XIIIe et XIVe siècle. REArm., t. I, Paris, 1964, стр. 121—147, 16 figs.

² „Byzantinoslavica“, XXVI, Prague, 1965, стр. 404.

³ Ե. Ա. Լալայան, Հեթում և Թագաւորի հաւարած նշխարների տուփը, «Հաւախը», Ա հատոր (արտատպած «Կղզազրահան հանդեսից»), Թիֆլիս, 1897, стр. 41, 42. Иллюстрация-вклейка между стр. 40 и 41. На стр. 41 дважды, в заголовке и в тексте, неверно указан Гетум Ա (вместо Բ).

⁴ Длина и ширина памятника у Е. Лалаяна указаны в вершках (2 и 1,5), толщина—в сантиметрах.

⁵ Пояснительных надписей рядом с изображениями святых нет. Определение Е. Лалаяном Акопа и Никогоса ошибочно: по иконографическим канонам эти святые должны быть боролатыми, между тем на памятнике все персонажи безбородые.

⁶ Надпись приведена у Е. Лалаяна на стр. 41. Воспроизвел он ее точно, разделив на слова и добавив последнюю букву в первой строке (Ի) и третью справа в седьмой (ն).

В это хранилище вставлялась золотая коробочка (размеры ее Е. Лалаян не привел), усеянная с одной стороны и с боков драгоценными камнями, число которых, как указал Е. Лалаян, доходило до соро-

можно заметить, что отдельные его части настолько разнородны, что все никак не могут быть отнесены к концу XIII в. Ранним временем можно датировать лишь маленькую золотую коробочку, собственно

ка (к сожалению, издатель памятника не приводит названия камней). Внутренность коробочки была заполнена землей с кровью и частичками мощей упоминавшихся святых⁷. Далее Е. Лалаян замечает, что существует мнение будто эту святыню царь Гетум II в торжественных случаях носил на шее. Заканчивается заметка перечислением лиц, владевших реликварием до того, как он попал к Тер-Аракелу Кургиняну.

Разглядывая воспроизведение памятника в работе Е. Лалаяна, без особого труда

могущехранильницу (*ղաղաղ*=гроб, как называл ее Е. Лалаян). Необработанные драгоценные камни (кабошоны) и внешний вид каст, в которых они закреплены, вполне могут быть отнесены к XIII столетию.

Серебряный футляр для золотой могущехранильницы стилистически не вяжется ни с нею, ни с одним из известных нам ранних памятников армянского серебрения. Украшающие его лики по углам выполнены штамповкой. Их отличает ремесленность: стандартный тип лица с условно переданными деталями—глаза, нос, рот, «мятый» невыразительный рельеф, неровные обрезы пластинок, неаккуратный крепеж их гвоздями к основанию—характерная для некоторых ювелирных изделий Армении конца XVII—начала

⁷ Е. Лалаян перечисляет заключенные здесь мощи: средний палец Акопа, мизинец Никогоса, большой палец Стефаноса, часть (?) Пантелеймона.

XVIII вв. Примитивизм отличает и не упомянутые Е. Лалаяном два литых креста с распятиями. Один из них укреплен на лицевой стороне серебряного футляра, другой стоит между золотой и серебряной коробочками. Принадлежат они, несомненно, разным эпохам. Верхний, скорее всего, конца XVII—начала XVIII вв., нижний довольно старый. Не исключено, что он древнее золотого хранилища. На это указывают непровисающее тело Христа, его открытые глаза, растопыренные пальцы рук, покрыв одеяния.

Характер выполнения надписи на оборотной стороне серебряного футляра также чужд особенностям надписей на ранних армянских памятниках. Ни одна надпись на изделиях XIII—XIV вв. серебряников Центральной Армении и Киликии даже отдаленно не похожа на нее. В то же время прием гравирования надписей (до середины XVI в. надписи обычно чеканили), начертания букв (утолщенные столбики и тонкие перемычки), принцип размещения их и строк на пластине (уплотненность до тесноты, хотя место оставалось) свойственны некоторым памятникам армянского серебрения второй половины XVII—начала XVIII вв.⁸ Полагаем, что именно этим временем следует датировать надпись на изданном Е. Лалаяном памятнике. Вероятно, к этому времени футляр золотой мощехранительницы обветшал. Владелец памятника решил заменить его новым. Работа была поручена ювелиру-ремесленнику. Последний в меру своих скромных способностей выполнил ее. Вероятно, он старался повторить первоначальный футляр и скопировал без изменений древнюю надпись. Лики по углам и распятие в центре пластины, помещение надписи на тыльной стороне реликвария свидетельствуют о принципах убранства киликийско-армянских произведений художественного серебра второй половины XIII—первой половины XIV вв.⁹ Стремле-

ние мастера следовать древнему образцу сказывается и в незаполненном ничем широком поле фона.

Однако, несмотря на то, что мастер явно старался не отступать от оригинала, присущие его творению стилистические особенности и техника выполнения говорят о заурядности ювелира конца XVII—начала XVIII вв.

Интересующий нас памятник позволяет довольно ясно представить первоначальный облик реликвария, заказанного Гетумом II. Он расширяет наши представления о ювелирном искусстве Киликийской Армении, свидетельствуя о разнообразии художественного облика ранних произведений из золота и серебра. Дело в том, что большинство дошедших до нас ранних армянских памятников ювелирного искусства не украшено ни чернью, ни эмалью, ни вставками слоновой кости, ни жемчугом, ни драгоценными камнями. И это явление противоречило многочисленным историко-литературным свидетельствам, в которых часто встречаются упоминания об украшенных жемчугом, драгоценными камнями и т. п. произведениях армянских ювелиров¹⁰. Наша золотая коробочка, бук-

ювелиров Киликии описано и воспроизведено в упоминавшейся работе С. Тер-Нерсисян. Весьма вероятно киликийское происхождение серебряной мощехранительницы св. Николая Чудотворца в форме десницы из Собрания Католикосата Киликии в Антилисе. Памятник известен нам по воспроизведению в проспекте «Պատկերազարդակաթողիկոսութեան Հայոց Տեօթի տանն Կիլիկիոյ. Անթիլիաս, 1965 (без пагинации).

¹⁰ Приведем несколько примеров. Историограф X в. Ухтанес перечисляет церковную утварь из благородных металлов, украшенную жемчугом и драгоценными камнями (Ուխտանէս եպիսկոպոս. Պատմութիւն րաժանման վրացի Հայոց. Բ. Հաղարշապատ, 1871, стр. 66). Известный историк Ст. Орбелян повествует, что епископ Сюника Тер-Ованес V (1006—1038) обновил хранилище, покрыв его золотыми пластинами и украсив жемчужной обнизью и двадцатью четырьмя драгоценными камнями (St. Orbelian, Histoire de la Siounie, I. SPb., 1864, стр. 180—181). В числе даров богатого анийца Тиграна Оненца в выстроенную им церковь Григория Просве-

⁸ Характерный пример—вкладная надпись хранилища «частиц Ноева ковчега» 1698 г. из музея при кафедральном соборе в Эчмиадзине. См.: Գ. Հոփուֆյան, Խաղրակների կամ Պողոսանո Հայոց պատմության մեջ. պատմագիտական ուսումնասիրություն. Ա. Հաղարշապատ, 1928, № 118.

⁹ Большинство художественных изделий

важно усыпанная самоцветами, подтверждает достоверность источников.

Вновь публикуемый памятник представ-

ителя (1215) были «золотые и серебряные кресты с разными изображениями, [обделанными] золотом и серебром и [драгоценными] камнями, и жемчугом...» (Н. Эмин. Надписи в Карсе, Ани и окрестностях последнего, М., 1881, стр. 20, № 34). Ст. Орбелиан повествует о покупке у князей Дленянцев «родового креста, отделанного золотом и

лает интерес и как свидетельство художественных вкусов двух эпох—конца XIII в. и рубежа XVII—XVIII столетий.

серебром и драгоценными камнями». Для этого креста он приготовил новое хранилище из золота и серебра, украсив его пятью рубинами в оправе и четырьмя великолепными жемчужинами (St. Orbelian, op. cit., стр. 269).

А. КАКОВКИН (Ленинград)

ПЕРВОПЕЧАТНИК КИШИНЕВА АКИМ ПОПОВ

Известно, что основанная по указу императрицы Екатерины Второй в конце XVIII в. на левом берегу Днестра армянская переселенческая колония с центром Григориополь сыграла заметную роль в экономическом и культурном развитии как Молдавии, так и Бессарабии, освобожденной из-под кровавого ига Османской Турции и присоединенной к Российской империи в 1812 г. Торгово-предпринимательская и культурно-просветительная деятельность многих видных представителей этой некогда процветающей колонии простиралась далеко за пределы края.

Среди этих деятелей почетное место по праву должно быть отведено первопечатнику Кишинева—армянину Акиму Ивановичу Попову. Обнаруженные в Центральном государственном архиве Молдавской ССР документы проливают некоторый свет на историю основания им литографии, затем и типографии, несомненно, имевших большое значение для возникновения и становления печатного дела в Бессарабии в первой половине XIX в.

До начала прошлого столетия центром культурной жизни молдавского народа был город Яссы, резиденция ставленников турецкого султана—господарей Молдавии. С присоединением междуречья Прута и Днестра к России центром административно-политической, экономической и культурной жизни вновь созданной Бессарабской области России становится Кишинев, до этого ничем не примечательный захолустный город. Именно здесь прежде всего в первой половине XIX в. под влиянием передовой русской культуры и вопреки про-

водившейся царским самодержавием жестокой политике национального угнетения начали возникать новые очаги культуры и просвещения, формироваться общественно-политические воззрения и идеи. В этом прогрессивном по своей объективной направленности процессе особо важное положение занимало печатное дело, книгопечатание.

Дело в том, что история печатного дела в Кишиневе берет свое начало с довольно позднего времени. Достаточно сказать, что первое полиграфическое предприятие кустарного типа—так называемая епархиальная типография, основанная митрополитом Молдавии Гавриилом Бэнулеску для обслуживания церковных нужд—начало здесь функционировать лишь с 1813 г. Через пять лет, в 1818 г., в Кишиневе создается областная типография для печатания официальных материалов местной администрации. Оба предприятия были чрезвычайно маломощны, к тому же, как сказано, имели узковедомственное специальное предназначение. Естественно, что они не могли удовлетворить все возрастающую потребность края в издательской продукции светского характера, особенно в художественной литературе, школьных пособиях, историко-краеведческих, этнографических и иных книгах научно-познавательного и культурно-просветительного направления.

И первым по существу печатником, предпринявшим практические шаги для удовлетворения этой потребности, был Аким Попов, мещанин города Григориополя, бывший на протяжении ряда лет учеником и ближайшим помощником известного в те